

Текст · 15 января 2021, 20:33

Олег Зурман,

«Кажется, что я сейчас лягу поспать, проснусь — а этого не было».

Жена арестованного за два твита оператора ФБК рассказывает об обыске

О Павле

Вместе мы шесть лет, пять лет — в браке. Павел очень добропорядочный и добросердечный человек, он такой человек, который отзывается на любой призыв о помощи: бабушкам в магазине, каким-то незнакомым людям, рабочим, которые ремонт в подъезде делают. В таких вещах он готов быть радушным и помогающим. И в работе он, конечно, тоже такой перфекционист. Если нужно что-то сделать, снять, то он это сделает на сто процентов. Вкладывается, вникает, старается это сделать лучше, чем от него ожидают. Такие у него принципы.

К его работе в ФБК я хорошо отношусь, я понимаю, где он работает. Я разделяю какие-то его взгляды, и было бы странно, если бы мы были на разных полюсах. Я поддерживаю его, считаю, что он делает для ФБК очень много важной, большой работы, там он работает года два.

Какого-то внимания к нему со стороны правоохранительных органов не было. Это какие-то, как у всех бывали... в Казани их задерживали с коптером, когда они снимали расследование. Но это просто были административные мелкие дела.

[В ФБК] он снимал программы Любы Соболь, Алексея Навального и других сотрудников. Если нужна была помощь как оператора или как технического специалиста, что-то настроить, подключить — он этим занимался. Ездил с Алексеем [Навальным] в Томск и Омск, был в команде как оператор.

Об обыске

Обыск — это такая травматичная [история], потому что шесть утра, ты спишь и как бы не ожидаешь, не готовишься к такому заранее. Мой старший сын разбудил меня, сказав, что там кто-то за дверью, какие-то мужчины. Они звонили в звонок, он тихий, негромкий, его не очень хорошо слышно.

Зная, что если не открыть дверь, то ее начнут пилить, я им, конечно, открыла. Они были тактичны, довольно тихо себя вели, потому что знали, что были спящие дети. [Силовиков] было много, человек десять, были люди в масках-касках, видимо, на случай, если люди не открывают и сопротивляются, но они как-то быстро уехали. Были понятые, три человека, какие-то студенты молодые. Были фээсбэшники, если я правильно поняла: трое следователей, один технический специалист. То есть прям толпа народу.

Они осматривали все комнаты, просили показать, где какая техника находится, компьютеры. Они сначала порывались забрать даже игровой компьютер для *VR*, детские компьютеры для школы и учебы. Они хотели их тоже забрать, но я пыталась с ними как-то по-хорошему, убедить их оставить хотя бы эти компьютеры, и они пошли навстречу. Они включили каждый комп, посмотрели файлы на каждом из

них, историю браузера, лазили по документам. Убеждались, что там ничего важного нет.

Забрали все флешки, их, естественно, у Паши дофига, целый пакет получился. Все внешние диски, штук шесть, и компьютер наш рабочий, системный блок. Опять же я милостиво их попросила, у меня там много работы, я фотограф, у меня много моей работы, файлов, проектов. Если я сейчас отдам компьютер, то я лишусь работы, которую уже сняла. Я работаю фотографом, снимаю свадьбы, какие-то мероприятия. Но они сказали: «Окей, переписывайте, кидайте в облако». Я поставила файлы на загрузку, мне разрешили их скопировать. Я рассказываю честно. Не то чтобы я благодарна, но хотя бы какое-то человеческое было понимание каких-то моментов.

Младший ребенок, 4 года, в это время спал, они говорили шепотом, светили фонариком. Они, конечно, обувь не снимают, так вот ходят, как попало. Собственно, изъяли только носители, компьютер и мой личный телефон, решили, что он им очень важен. Обыск длился шесть часов. Долго занимались писаниной, восемь листов рукописного текста. Какой-то агрессии и хамства с их стороны не было.

Они увидели открытку с фотографией Любы [Соболь] из ее агитматериалов с кампании по выборам в Мосгордуму. Там написано «Мосгордума 2021» и текст какой-то. Открытка как фотография 10 на 14, не очень большая. У нас их несколько на полке лежало, штуки 3-4. Они увидели и говорят: «О! Я себе

такую хочу. Можно?». Если так хочется, то можно. Больше ничего не забрали.

Вопросов каких-то не задавали. Единственное, когда зашла речь о содержании твита, из-за которого было возбуждено дело, между собой стали что-то говорить. «Ну да, вот Ирина Славина, она себе, конечно жестко придумала смерть, могла бы что-нибудь помягче. Могла бы под баржу кинуться». Между собой шутки, хи-хи, ха-ха. У них такой вот юмор. И это очень сильно покорибило. Если не слушать это, то они на вид как бы милые ребята, ну то есть такие, нормальные. Но когда начинаются эти разговоры, ужасно. Было противно и мерзко. Говорили, что обыски они уже не проводят как раньше, стали мягкими, такие няшки стали.

Павел Зеленский. Фото: Наталия Зеленская / Facebook

О деле

Паша накануне поехал к маме, у нее прорвало трубу в квартире, он поехал поздно вечером и остался там на ночь. Не думаю, что они за ним следили, просто

по месту прописки за ним пришли. Так получилось, что его дома не было. Он был у мамы. Знаю со слов адвоката, что его ударили, сам он мне об это не говорил. Они попросили, мол, стоять-лежать, а Паша дернулся к компьютеру. Его положили [на пол] и один, проходя мимо Паши, пнул его ногой по голове, потом поднес телефон и пальцем насильно разблокировал его телефон.

С мамой [Паши] мы еще не успели сегодня поговорить подробно. Так сказала, что потом, когда Паша им все отдал, они себя вели деликатно. Спокойно посмотрели, не стали забирать мамин компьютер и телефон. Забрали Пашин ноутбук и телефон, который у него с собой был.

Сегодня он с мамой должен был поехать на похороны родственницы, на которые ни Паша не попал, ни мама.

Я пока немножко в шоковом состоянии, и кажется, что я сейчас лягу поспать, проснусь — а этого ничего не было. Но я понимаю, в какой стране мы живем. Это невозможно описать, насколько это неправильно и несправедливо, и что любой твит — это слова, буквы, набранные пальцем. Это не может быть реальным призывом к чему бы то ни было. Это, безусловно, беспредел и политическое дело, и связано только с тем, что Паша работает в ФБК. Был бы он каким-нибудь охранником в «Пятерочке», сомневаюсь, что вообще кто-нибудь на это обратил внимание.

Ну, если нашей власти так не нравятся какие твиты, придумайте какую-то меру, пригрозите пальцем,

ай-ай-ай, с вас штраф 100 тысяч рублей. Это хоть как-то можно соотнести с «тяжестью преступления». А реальные сроки и даже полтора месяца в СИЗО — это просто невероятно, несправедливо.

Я хочу верить, что после полутора месяцев ему скажут, вам там условно три года и идите домой. Но как оно будет по настоящему [неизвестно].

У нас семья — трое детей. Расходы на покупку техники, на машину, у Паши был основной вклад в содержание семьи. С воспитанием детей я как-то сама справляюсь, есть школы, садики, есть налаженный быт. Финансово — я пока не знаю, я пока не осознала и не думала об этом. Будем справляться. В конце концов, попросим [помочь] близких друзей, родственников, если будет крайняя необходимость.

Если это дело, эта история получит достаточно большую огласку, она все-таки хотя бы нескольких человек заставит очнуться и понять, что у нас действительно полное беззаконие и произвол, и что с этим нельзя мириться. Нельзя с другом о чем-то говорить, и при этом [думать]: «Ой в твиттер об этом нельзя писать, это опасно, за это могут посадить». Не должно быть так, должна быть свобода слова и работающие законы. Надеюсь, что ради этого [все с Павлом и случилось]. Буду об этом думать.

Редактор: Егор Сковорода